

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

XX век: культура памяти

Материалы кмежрегиональной научной
конференции

«XX век: культура памяти

(рефлексии и образы)»

Пермь, 17 июня 2016 г.

**Пермь
2016**

УДК 008
ББК 71.1
Л 42

Ответственный редактор:

О. Л. Лейбович

Редколлегия:

А.И. Казанков, А.А. Лисенкова, М.М. Чудинова.

Л 42 **XX век: культура памяти:** Материалы к межрегиональной научной конференции «XX век: культура памяти (рефлексии и образы)». Пермь, 17 июня 2016 г. / отв. ред. О. Л. Лейбович; Пермский государственный институт культуры. – Пермь, 2016. – 144 с.

ISBN 978-5-91201-245-7

Сборник составлен на основе материалов участников межрегиональной научной конференции «XX век: культура памяти (рефлексии и образы)». Помимо статей, в сборнике представлены стенограмма конференции, лекция известного историка М.Б. Гнедовского о музейном наследии. Сборник будет интересен историкам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся исследованиями культуры памяти в постсоветском обществе.

УДК 008
ББК 71.1

ISBN978-5-91201-245-7

© Пермский государственный
институт культуры, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Г. Л. Тульчинский

Культура и память: содержание и технологии воспроизводства 4

М. Гнедовский

Трудное наследие в постсоветских музеях 12

А.Н.Кабачков, Н.В.Шушкова

Россия XXI век: национальное воображаемое..... 25

М. М. Чудинова

О новогодних фоновых практиках современных россиян
(гастрономический аспект) 40

К. Тройчун

«Все так и было»: советская реальность и кино 80-х гг.
в восприятии современников..... 48

Г. В. Сушек

Тоска по социалистическому реализму..... 58

В. Кутдусова

От коммуникативной памяти к культурной: новые тенденции в
немецкой культуре памяти..... 63

Стенограмма межрегиональной научной конференции
«XX ВЕК: КУЛЬТУРА ПАМЯТИ (РЕФЛЕКСИИ И ОБРАЗЫ)" 75

Сведения об авторах..... 127

А.Н.Кабацков
Н.В.Шушкова

РОССИЯ XXI ВЕК: НАЦИОНАЛЬНОЕ ВООБРАЖАЕМОЕ

Проблематику изучения нации как воображаемого сообщества сформулировал Б. Андерсон. Он определил нацию, как «... воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»²⁹. Он же связал способы воображения с книгами, газетами, литературным языком, т.е. инструментами и технологиями массового воспроизводства специфических способов мышления. В отличие от эталонных европейских обществ, история формирования российской (русской) нации насчитывает несколько попыток сконструировать национальное воображаемое.

В исследования А. Тесля генезис «русского национализма» рассматривается в контексте социальной и интеллектуальной истории XIX века: «... именно у славянофилов все эти «чувства» и «настроения» оказываются предметом рефлексии – и формируется первая версия «русского национализма» как проекта «быть европейцами», быть «европейской нацией» (поскольку ведь нельзя быть «европейцем вообще» – а лишь англичанином, французом или немцем и уже в силу своей «английскости» принадлежать к числу «европейцев»)³⁰.

Советскую версию конструирования национального сообщества описали Е. Добренко и Д. Брандербергер. Е. Добренко подчеркивал значение политических и идеологических факторов, повлиявших на трансформацию проекта «социализма» в систему идеологического контроля за формой и содержанием социального воображения: «...в революционной (политической) культуре социализм был прежде всего политическим и экономическим проектом, тогда как в сталинской (деполитизированной) культуре он стал проектом сугубо репрезентаци-

²⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. 2001. С. 28

³⁰ Тесля А. Первый русский национализм... и другие. М. Изд-во «Европа». 2014 // [Интернет ресурс Rulit]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/pervyj-russkij-nacionalizm-i-drugie-read-336489-1.html> (Дата обращения: 14.10.2016)

онным»³¹. Д. Брандербергер развивает тему мировоззренческого поворота в 1930-х годах, исследуя конкретно-исторические формы и методы реализации проекта конструирования новой воображаемой общности «советский народ», руссоцентристской по своим культурным доминантам³².

Этнические образы советского мира были иерархичны. Доминирующее положение занимали эталоны социальной, исторической и культурной идентификации русской народности. Образ «большого брата», оказывающего просветительскую помощь этническим группам, живущим на окраинах цивилизованного мира, создавался в школе и поддерживался советской идеологией. «Большой брат» выступал также в роли освободителя от «колонизаторов», защитника от внешних врагов, культуртрегера и просветителя. Он предьявлял «правильные» образцы поведения, обязательные для всех.

В позднюю социалистическую эпоху этнические образы проявляли себя слабо. В середине XX века политические механизмы регулирования этнических процессов существенно обновляются, приобретая вид квотирования должностей, регулирования доступа к образованию; при этом частично сохраняется сталинское наследие: пятая графа в паспорте и властный антисемитизм.

В период позднего социализма, этнические стереотипы закрепились в повседневной культуре, приобретая характер устойчивых поведенческих и вербальных комплексов (анекдоты, стигматизирующие номинации и т.д.). Шел процесс сближения политической линии и повседневной культуры. По мнению В. Шляпентоха, «включение националистических элементов обеспечивало жизнеспособность идеологии до 1987 г.»³³.

Социальная катастрофа 1991-1993 гг. разрушила политический порядок советского общества и подвергла ревизии правила коллективного общежития. Марксистская традиция анализа социальных конфликтов, позволяет трактовать подобные ситуации в буржуазных об-

³¹ Добренко Е. Политэкономика соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 5.

³² Бранденбергер Д. Л. Национал-Большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956): Академический проект, Издательство ДНК; СПб; 2009

³³ Shlapentokh V. A Normal Totalitarian Society. New York, London. 2001. P. 7.

щества в качестве «революционных», где на смену «разбитой государственной машине» должна прийти подлинной демократией³⁴.

В российском обществе классового конфликта не случилось. Для него в ситуации 90-х гг. XX еще не сформировалось социальной базы. Горожане, поодиночке переживающие крушение социального порядка, чувствовали сильнейшую отчужденность от прежних практик социальной солидарности. При всех наблюдаемых явлениях социальной ностальгии, возобладало, в сознание горожан, критическое отношение к ценностным установкам советской идеологии, в том числе в сфере национальных отношений.

Вместе с крахом советской идеологии, с утратой легитимности «скреп» которыми была сшита воображаемая общность «советского народа», утратили свое значение ориентиры интернационализма. На их место пришли прагматические ценности, от которых зависело индивидуальное выживание. Речь идет об «экономизме» новой культуры, о признании в качестве культурной и социальной доминанты экономических ценностей. Деньги и потребление, конкуренция и предпринимательство символически репрезентировали новые образцы буржуазной культуры, и, одновременно, создавали новые основания для социальной иерархии, побуждая распознавать «своих» и «чужих» по новым правилам.

Опротечиво будет свести перемены в социальном мышлении к процессам механического замещения образцов социалистической культуры на буржуазные модели экономической рациональности. Исследования социологов зафиксировали сохранение элементов социального воображения советских людей в новых обстоятельствах. Суждение Ю. Левады о том, «... что, собственно, человек, которого мы условно обозвали “советским”, никуда от нас не делся»³⁵, получало многочисленные подтверждения. Массовые опросы, проведенные в 1989, 1994, 1999, 2003, 2008 годах Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) а затем, после вынужденной реорганизации, Левада-Центром, регулярно обнаруживали архаизацию ценностного и символического мира, используемого людьми в каче-

³⁴ Ленин В.И. Государство и революция. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 33. С. 1—120.

³⁵ Левада Ю. «Человек советский» - публичные лекции на «Полит.ру». <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada/>. (Дата обращения: 15 мая 2016)

стве образца для социального ориентирования в повседневной жизни. Юрий Левада предложил социологическому сообществу использовать теоретический концепт «советского человека» в качестве идеальной модели, влияющей на реальную социальную практику людей. Эмпирические данные подтверждали, что культурное наследие советского прошлого, закрепленное в памяти нескольких поколений, становилось реальным фактором социального конструирования новой реальности³⁶.

В работах Гарольда Зборовского вышеуказанное явление было идентифицировано категорией «социальная ностальгия». Опираясь на исторический опыт уходящих поколений, наши современники оценивали окружающую их действительность в советских терминах. «Так прошлое стало определять актуальные переживания в настоящем»³⁷.

Другую сторону процесса освоения новой реальности представил Леонид Ионин. Он указывал на то, что для людей советской культуры новые, вынужденные практики оборачиваются инсценировкой, то есть игровым подражанием чуждым культурным формам, без достаточного осмысления того что и зачем они делают³⁸.

К концу первого постсоветского десятилетия, эмпирические данные позволяли говорить о сильной атомизации городских сообществ, превратившей прежние анклавы индустриализма в территориальные агломерации, в которых экономизм выполнял роль ситуационного ориентира, позволяя принимать локальные решения, но не создавал ощущения политической и социальной общности, ни в пределах региона, ни в рамках государства.

В этой ситуации, автор, с коллегами по кафедре культурологии Пермского политехнического университета получил возможность более детально изучить феномен социального воображения социологическими методами³⁹. Следует отметить, что дополнительным факто-

³⁶ Левада Ю. «Человек советский»: проблема реконструкции исходных форм // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 2(52). С. 7–15.

³⁷ Зборовский Г. Широкова Е. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 21.

³⁸ См.: Ионин Л. Социология культуры. М., 1998.

³⁹ Социологический опрос «Национальные отношения в Пермской области», июнь 2000 г. Выборка квотная в соответствии с этнической, возрастной и гендерной структурой населения Перми. Всего было опрошено 946 человек. Метод стан-

ром влиявших на респондентов в ходе исследования 2000 года был экономический дефолт 1998 года, который заново актуализировал социальные переживания катастрофического, кризисного характера. Шок, который горожане переживали на фоне экономического кризиса, ослабил нормативные ограничения, сформированные культурой и позволил опрашиваемым более свободно рассуждать об этничности и ее месте в системе социальных идентификаций. Сразу отметим, что в этих нарративах проявились довольно архаичные по своим социальным признакам культурные архетипы⁴⁰.

Полученный в ходе упомянутого исследования эмпирический материал продемонстрировал, что горожане склонны в городской общности различать «своих» и «чужих» на основе этностереотипов. Источником стереотипов выступали как открытые медийные ресурсы – газеты, телевидение, т.е. общедоступные средства массовой информации, так и приватные социальные сети, функционирующие по законам устной коммуникации. Слухи, анекдоты, рассказы родственников, воспоминания также обладали заметным влиянием на формирование интенции распознавания этнического образа «чужих/далеких» и «близких/своих» этнических групп.

В инструментарии исследования, проводимом среди населения г. Перми, использовался перечень этнических групп, проживающих на территории Пермского края (тогда – Пермской области), а также регулярно приезжающих туда работать; и две «контрольные группы» – «европейцы», представленные англичанами и немцами и «далекие россияне» – дагестанцы и чеченцы; – всего 20. Предложенные в анкете координаты «близости – чуждости» оказались релевантны представлениям горожан о языке, годном для обсуждения национальностей: лишь 15% опрошенных ответили, что все национальности близки и 35% отказались назвать «чуждые» национальности.

дартизированного индивидуального интервью. Научн. рук. Лейбович О.Л. по результатам исследования были опубликованы статьи в центральных журнале «Мир России»: Кабацкова. ЛейбовичО. СтегнийВ. ШушковаН. Образ «другого» в социальном сознании горожан // Мир России. 2004. Т.12. С.43 – 65; Кабацков А. ЛейбовичО. ШушковаН. Большой город в постсоветском пространстве // Мир России. 2004. Т.13. С.191 – 205.

⁴⁰См.: Кабацков А. Лейбович О. Социокультурный архетип: к определению термина // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4-х тт. Том 3: Теория культуры. СПб.: Алетейя, 2008 С. 247 – 258.

Для тех горожан, кто определил свою этничность как русские, среди близких ожидаемо оказались представители славянских народов: украинцы (41% от числа опрошенных русских) и белорусы (38%); но, кроме того: татары (26%), евреи (7%), удмурты (6,6%), коми-пермяки (6%) и башкиры (6%). Ответы горожан иных этнических групп были объединены для анализа (в выборке они составили 14,4%, пропорционально представленности в генеральной совокупности). По их «общему» мнению, близкими являлись русские (54%), татары (20%), белорусы (17%), украинцы (14%), евреи (5%) и башкиры (5%). Оценивание этнической группы как «близкой» не обязательно воплощалось в реальной практике дружбы; так, русские считали близкими, но мало дружили с белорусами (всего 3% назвали среди своих друзей представителей этой национальности), и не имели друзей украинцев. Напротив, слабая распространенность мнения о «близости» евреев не препятствовало заявлениям о дружбе с ними: 18% опрошенных русских имели среди друзей представителя еврейской культуры.

Верхние позиции в перечне «чуждых» этнических сообществ заняли чеченцы (так их охарактеризовали 64% опрошенных среди русских и 57% – среди представителей других этнических групп), – так проявилась реакция общественного мнения на военные действия в республике. Следующую позицию занимали грузины (37 и 39% оценили их таким образом). Единодушие наблюдалось и в дистанцированной оценке цыган (по 10%). Примечательное отличие состоит в том, что 16% русских респондентов отнесли к чужим татар, а 18% респондентов других этнических сообществ увидели чужаков в евреях. Русских среди чуждых этнических сообществ названо не было.

Обобщим: в координаты «близкого – чуждого» горожане помещали и реальных партнеров по коммуникации (к их числу относятся русские, татары, евреи, грузины, коми-пермяки, цыгане...), и потенциальных, обращавших на себя внимание по некоторым причинам (чеченцы, украинцы, белорусы). «Коренные» жители края в целом располагались на «близкой» оси координат, однако занимали на ней не только высокие позиции. Некоторые этнические сообщества имели полярные оценки. У русских горожан это евреи (7% оценивали их как близких, и 7% как чуждых) и немцы (3,6 и 4% соответственно), татары (26 и 16,5%). У представителей других групп наблюдались схожие мнения о татарах (как близких их оценивали 20%, как чуждых – 11%), и перевернутые – о евреях (5% и 18% соответственно).

Этностереотипы можно отнести к мыслительному компоненту социальных практик, который отвечает за восприятие и описание объектов и среды определенным образом, в соответствии с некоторым уровнем и содержанием эмоциональности.

Другим источником информации о мыслительной реконструкции социальной общности в которой реализуются повседневные жизненные практики горожан стали ответы на открытый вопрос об отличительных качествах людей разных этнических сообществ. Данные высказывания рассматривались с точки зрения их содержания (интенциональности, эмоциональности, латентно присутствующего знания), а не распространенности. Считалось, что участники исследования вербализировали фрагмент коллективного воображения, знания, которое ими считалось адекватным для большинства агентов типичной коммуникации.

Ответы были придуманы самими респондентами и записаны интервьюерами так, как они были произнесены. Было решено не сводить названные качества к синонимам. Для анализа будут использованы качества 13-ти сообществ (русские, татары, башкиры, грузины, евреи удмурты, коми-пермяки, немцы, цыгане, украинцы, узбеки, чеченцы, дагестанцы). Всего для них было названо 204 уникальных качества, из них 87 присутствовали в ответах по одному разу (т.е. только для какой-то одного этнического сообщества). Общее число качеств у разных групп отличалось. Больше всего их – 61 уникальный ответ – было названо в отношении татар. По 57 качеств получили чеченцы и украинцы. Для характеристики русских и евреев были использованы по 51 уникальной черте. Остальные этнические группы набрали по 38-40 черт, за исключением удмуртов: чтобы их описать, нашим собеседникам хватило 31 черты.

Получившиеся образы, коллективно нарисованные горожанами, внутренне противоречивы. В них может говориться о хитрости и открытости, уме и простоте, дружелюбии и клановости, трудолюбии и лени, звучать упреки в злости, и одновременно – спокойствии и желании помогать. Ни одна из этических групп не обладает только позитивными, или только негативными чертами. Более того, мы решили отказаться от типологии названных черт на «положительные» и «негативные» исходя из их словарных коннотаций. Для того, чтобы понять, что на самом деле значит быть «простым», «хозяйственным» или «гордым» в случае, если человек характеризует этнос, мы сконструи-

ровали релятивистскую шкалу оценок. Исходным пунктом для нее стали черты, приписываемые русским. Результаты исследования позволяют заключить, что основной осознаваемой и воспроизводящей этнической границей в городе является та, что пролегает между русскими и представителями других этнических сообществ.

Согласно исследованиям этнопсихологов, автостереотипы разных этнических групп схожи, но если говорить о русских, то можно обнаружить некоторые отличия. Прочитируем выводы исследования Ю. Аллика и др.:

«По сравнению с усредненными стереотипами для 49 других стран, он или она воспринимаются доминирующими, волевыми, поспешными в речи и принятии решений. Всё же самая выпуклая характеристика, которая отличает типичного русского от других наций – открытость. Типичный русский представляется как человек, который имеет живое воображение и богатую фантазию; интеллектуальное любопытство и способность вновь пересматривать социальные и политические ценности»⁴¹ (С. 14). В нашем исследовании автообраз русского преимущественно был составлен из таких черт, как «доброта» (44,6%), «отзывчивость» (15%), «открытость» (11 %), «лень» (9%), «простота» (7 %), «трудолюбие» (6 %).

Если за отправную точку взять качества, которыми наделяют русских, то среди совокупности ответов выделить несколько групп:

- (1) - черты, присутствующие у русских, и распространенные у других 12-ти групп;
- (2) - черты, отсутствующие у русских, и распространенные у других 12-ти групп;
- (3) - черты, характерные для русских, и некоторого числа (1-4) других 12-ти групп;
- (4) - черты, присущие исключительно русским;
- (5) – черты, присущие исключительно какой-то из других 12-ти групп.

Первую группу качеств – если принимать во внимание, что большинство ответов было дано именно русскими респондентами, - следует интерпретировать как общие черты горожанина, т.е. те характери-

⁴¹АлликЮ. и др. Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 14.

стики, которые не имеют этнического компонента, хотя и были названы как этнические.

Во вторую группу, соответственно, попадают черты, этнически окрашенные в том смысле, что они отличают большинство этнических групп от русских, создают демаркационную линию. Эти качества, вне зависимости от их положительной или отрицательной коннотации, обозначают границу близкого и чуждого.

Третья группа позволяет выделить те качества, присутствие которых у иных этнических групп, создает общие поля понимания, и, значит, бесконфликтной коммуникации.

Четвертая и пятая группы состоят из тех отличий, иногда почти отнюдь, которые отвечают за интенциональность этнических практик.

Итак, постсоветский горожанин в начале XXI века наделял жителей городской территориальной агломерации следующими чертами: гордостью, справедливостью, порядочностью, честностью, открытостью, отзывчивостью, гостеприимством, щедростью, дружелюбием, добротой, трудолюбием, умом, упрямством; и, вместе с тем: глупостью, жадностью, жестокостью, ленью, наглостью, самолюбием и простотой. Этот набор качеств позволял и ему, и другим, воплощать в поведении востребованную рациональность: ставить достигаемые, чаще – индивидуальные, цели, подбирать средства, заводить партнеров, изменять условия договоренностей в свою пользу, добиваться результата, находить в этом повод для гордости.

Обратной стороной ситуации, осознаваемой как этнически неоднородная, было ожидание такой активности других агентов как: высокомерие, грубость, вредность, вспыльчивость, зависть, злость, национализм, эгоизм, тупость, и одновременно, хитрость. Названные черты, безусловно, должны вызывать к жизни коммуникацию с большой долей в них осторожности и отстраненности, или, в другом варианте – напряженности.

Исследование также позволяло выявить перечень качеств, которые оказались несвойственными русским, но позитивно коннотируемые: деловитость, общительность, ответственность, практичность, хозяйственность, целеустремленность, экономность, достоинство. Этот набор характеристик, будучи собранным вместе, обладает сходством с идеальным типом веберовского предпринимателя. Зададимся вопросом: почему эти положительные свойства не были ни разу названы для описания русских? Вероятно, речь идет о сравнительно более медлен-

ном освоении русскими новых экономических практик, стремлении оценивать поступки других в прежней – советской системе координат.

Исследование продемонстрировало, что этническое сообщество, составлявшее большинство среди горожан, ревниво следило за экономическими успехами небольшой группы людей. Компенсаторные механизмы подсказало решение: вывести тех, кто лучше достигает материальных целей, за пределы «своего» мира. «Новые русские», категория, активно использовавшаяся в 1990-х годах для идентификации статуса успешного предпринимателя, может считаться стихийным символом чуждости внутри одного этнического сообщества. По отношению к другим этносам название изобретать не пришлось. Такая логика восприятия реальности и привела к тому, чтобы поставить грузин, преуспевающих в уличной торговле сезонными овощами и фруктами, на второе место среди чуждых групп. Хозяйственность и практичность – в этих особых координатах – не положительные, а отрицательные черты.

Упомянутые напряженности в типологии Льюиса Козера предстают как нереалистические конфликты, которые «... порождены не антагонизмом целей участников, а необходимостью разрядки по крайней мере у одного из них. В этом случае выбор соперника не связан напрямую ни с проблемой, по которой идет спор, ни с необходимостью достижения определенного результата»⁴². Вряд ли респонденты, использующие описанную модель категоризации, находились в ситуации реальной конкуренции с иными этническими группами. Сделанный выбор заслуживает особого внимания, так как порожден культурными факторами и тесно связан с моделями и алгоритмами социального воображения.

Перечень черт, схожих у русских с небольшим числом других групп, также включал в себя разные по направленности суждения. Упоминание о «пассивности» среди схожих с русскими качеств было наиболее распространено, и встречалось также у татар, башкир, украинцев и дагестанцев. Кроме пассивности, остальные качества русских с татарами объединяла терпеливость, широкая душа, доверчивость и непредсказуемость. У русских и украинцев необычных объединяющих было указано качеств немного: несобранность и карьеризм. Талантливость и карьеризм также объединили русских с евреями, как и несо-

⁴²КозерЛ. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 71.

бранность. В целом, во взаимодействии с другими национальными группами, русские обнаруживают в них схожие как привлекательные, так и отрицательные черты. Однако, тот факт, что эти черты – общие, создает привычные координаты для направленной активности⁴³.

Если из общего перечня выбрать черты, присущие исключительно русским, и никому больше из остальных 12 групп, то их останется немного, - это: фатализм, храбрость, бесшабашность, бескорыстие, вера, самопожертвование, чувство долга, старательность, заносчивость, пьянство, разобщенность. В получившемся образе хорошего, смелого, но не знающего, куда направить свою активность человека, снова слабо представлены экономические черты. В уникальных чертах других этнических групп экономическая тема слабо, но присутствовала. Названные ранее как наиболее близкие украинцы обладали, в отличие от всех остальных, следующим чертами: гибкость, громогласность, словоохотливые, хвастливость, нечуткие, добросовестность, обстоятельность, зазнайство, недружелюбие, самостоятельность, западничество, предатели, хорошие кулинары, любят выпивать, любят есть, нельзя давать власть, ограниченность. Среди качеств, присущих исключительно татарам – тоже воспринимавшихся как близкие, можно было увидеть: выносливость, трезвенники, эмоциональность, ревнивые, склоность, корысть, скряги, чужие. Грузинские черты, на взгляд постороннего наблюдателя, не делали их чуждыми: благородство, уважение к старшим, темперамент, демократичность, ущемленность; в отличие от чеченцев. Последние, если из их описания изъять сходные с другими этносами черты, становились квинтэссенцией врага. Бандиты, захватчики, кровожадность, бездушные, бессердечие, враждебные, злопамятные, звери, коварные, лицемерные, необразованность, одер-

⁴³Полный перечень общих качеств и русских и небольшого числа других, перечисленных респондентами в ходе опроса: бережливость (удмурты, коми-пермяки), терпеливость (татары, дагестанцы), широкая душа (татары), патриотизм (немцы, чеченцы, дагестанцы), скромность (коми-пермяки), талантливость (евреи), оптимизм (немцы, цыгане), доверчивость (татары), непредсказуемость (татары, чеченцы, дагестанцы), необязательность (грузины, евреи), несобранность (коми-пермяки, украинцы), вороватость (цыгане, чеченцы), пассивность (татары, башкиры, украинцы, дагестанцы), карьеристы (евреи, украинцы).

жимость, ехидство, приспособляемость, резкие, сволочи, террористы, - такими в советских фильмах изображали фашистов⁴⁴.

Анализ высказываний участников исследования о качествах, присущих разным этническим группам показал, что слова и выражения, использованные для описания потенциальных партнеров по взаимодействию, обладали контекстными коннотациями. Для того чтобы верно определить воздействие того или иного качества на практику агента (в том числе и в ситуации определяемой как этническая), исследователю необходимо быть осведомленным о модальных характеристиках партнеров по коммуникации. Отклонение от модальности, неважно в положительную, или отрицательную сторону, приводило к практической напряженности. Потенциальная конфликтность тем сильнее, чем больше модуль этого отклонения. Для национальных взаимодействий горожан рубежа веков такой модой служили качества, приписываемые русским. Применение описанного принципа позволяло оценить черты «деловитость», «целеустремленность», «экономность», «практичность» как создающие барьеры в этнических практиках.

В то время, когда проводилось исследование, городской житель ощущал кризис через ограничение своих потребительских возможностей и рост ценности денег. Вместе с ценностью денег, возросла ценность работы. Кризис поставил под сомнение трудовую парадигму 1990-х годов. В первые годы интенсификации рыночных отношений, из-за закрытия промышленных производств, научно-исследовательских институтов и массовых сокращений рабочих мест на бывших советских предприятиях на большое количество людей было вынуждено искать работу на рынке труда. Новые рабочие места создавались вне промышленного производства, по преимуществу в сфере торговли и развития городских услуг. Отсев «профпригодности» проходил преимущественно по возрастным (поколенческим) параметрам. Наибольшие шансы на трудоустройство в сфере услуг по-

⁴⁴Справочно: исключительные черты других, перечисленные респондентами. Евреи (богатство, умение жить, изворотливость, проныры, упорство, интеллигентность, неуважение к другим); удмурты (дипломатичность, смиренность); немцы (воспитанность, дисциплина, педантичность, строгость, терпимость, брезгливость, чванливость, бездушные, трусливость); цыгане (предприимчивые, коллективизм, кочевники, лоботрясы, мародеры, рвачи, мошенники, непостоянство, навязчивость, хорошие психологи, несерьезные, пустые люди, развратность, хамы).

лучали выпускники вузов без опыта практической работы на предприятиях. Именно тогда в городской среде начал формироваться новый слой офисных работников и служащих – своеобразный класс «рабочих без определенной квалификации» из сферы услуг.

Реалистичность «безработицы» для горожан может считаться одним из ключевых факторов, определяющим поведение человека в рабочем коллективе. Экономическая ситуация в начале XXI века была такова, что «безработица» воспринималась вполне реалистичной ситуацией для трех четвертей наших респондентов.

Исследование выявило, что устойчивые компоненты этнической социализации могли затруднять трудовую мобильность не русских этнических групп. Мы выделили группу респондентов, прошедших через этнически ориентированные модели социализации и стремящихся воспроизводить их в общественной жизни. Их дети обучались родному языку и традициям национальной культуры, они стремились потреблять в СМИ этническую информацию, ориентировались на символы национального характера в области искусства. В целом, их модель культурного воспроизводства практик этничности, можно обозначить как релятивистскую. Этот этнический релятивизм оказывал влияние на трудовую жизнь, оборачиваясь затруднениями при устройстве на работу, проблемами в поиске нового места трудоустройства. Этнические препятствия ими воспринимались в качестве социального факта ситуации жизни в большой полиэтнической общности, отражаясь даже в заниженных самооценках успешности трудовых достижений.

Вместе с тем, следует отметить, что этнический компонент социализации перестает восприниматься в качестве социальных границ, когда практики его актуализации менее реалистичны. Сам факт этнокультурной социализации не становится основанием для занижения самооценки трудовой успешности. В городском сообществе оценку релятивизма этнических практик производят социальные слои горожан занимающие престижные и статусные позиции. Как правило, они готовы принимать презентации с элементами этничности, когда этничность предьявляется в качестве стиля национальной моды, в качестве символической традиции, не выходящей за пределы практик игрового стиля.

Таким образом, можно говорить о том, что на рубеже веков, в трудовой культуре горожан пустили ростки этнические модели соци-

альной идентификации (дифференциации). В условиях социальной нестабильности и разрушения институционального порядка этнический фактор стал проявлять себя более интенсивно, точнее – его стали чаще замечать участники социальных взаимодействий, так как рутинизация отношений на производстве и в коллективе была нарушена вторжением рыночной, конкурентной экономической культуры.

Ф. Барт замечал, что «этнические границы канализируют социальную жизнь: ей соответствует подчас довольно сложная организация поведения и социальных отношений»⁴⁵. В отличие от этнически организованных комплексов, которые изучали этнографы и антропологи, этнические границы в городском сообществе представляют собой один из множества факторов, структурирующих отношения и практики людей. В нашем случае, культурное содержание этничности было задано советской эпохой, по-своему противоречивым и неоднородным историческим временем. Это означает, что этнические границы препятствовали рационализации современного мира, вступая в незримый конфликт с его главными символами и ценностями, представленными экономической рациональностью.

Для государственной политики этнические национализмы вредны также как региональные сепаратизмы. К концу первого десятилетия XXI века, в Российской Федерации формируется властная символическая политика, нацеленная на конструирование новой национальной идентичности, государственной по своему содержанию. Она предполагает разграничение культур: российской с одной стороны, «западной» с другой и, отчасти «восточной». Этнические национализмы отесняются этой государственной политикой на периферию социального воображения. Парадокс в том, что такая победа над локальными этнонационализмами достигается за счет повышенной напряженности на внешних культурных границах.

Таким образом, мы видим два процесса разнонаправленных в своих ориентирах. Первый процесс, это конструирование этнических вообразяемых сообществ: татар, башкир и др. В этом процессе ведущую роль играла национальная интеллигенция, творившая национальные мифы о великом историческом прошлом, особом виде национального достоинства. Этот процесс нельзя считать завершенным или преодо-

⁴⁵БартФ. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М., 2006. С.17.

ленным. Тем не менее, определяющую роль в текущей политической жизни играет иной тип процесса формирования национального воображаемого в границах Российской Федерации. Речь идет о создании национального воображения, которое условно можно назвать «мы – русские». Причем русскими мы являемся по праву рождения, по общей истории, единому языку и историческим преданиям. Иначе говоря «мы русские» независимо от этнической принадлежности, но в силу того что мы на протяжении веков противостояли враждебному «Западу» и отчасти «Востоку». Такое формирование государственной национальной общности является результатом властной символической политики последних двух десятилетий.

Инициаторами и реализаторами этой политики выступают люди государственного аппарата, «сословие государственных служащих» (С. Кордонский), а социальной опорой – люди третьего поколения; жители малых городов и деревень и большие группы молодежи. В этом национальном воображаемом, на символическом уровне происходит элиминация этнических различий и переплавка соответствующих этнических стереотипов в пользу стереотипов государственных. Идеологическим оформлением этого процесса служит концепция единения российского общества.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гнедовский Михаил Борисович, кандидат исторических наук.

Кабатков Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь.

Кутдусова Виктория Альмировна, магистрант кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры.

Сушек Галина Владимировна, студент кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры.

Тройчун Ксения, студент социально-гуманитарного факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Пермь.

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург.

Чудинова Мария Михайловна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры.

Шушкова Наталья Викторовна, кандидат социологических наук, доцент. Независимый исследователь, Nashville, USA.

Научное издание

XX век: культура памяти

Материалы кмежрегиональной научной
конференции

«XX век: культура памяти
(рефлексии и образы)»
Пермь, 17 июня 2016 г.

Технический редактор: Н. В. Злобина

Подписано в печать 30.12.2016. Заказ 42/2016.

Формат А5. Гарнитура TimesNewRoman.

Усл. п. л. 8,25. Тираж 100 экз.

Редакционно-издательский отдел УНИД
Пермского государственного института культуры
614000, г. Пермь, ул. Советская, 102, оф. 101